

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 803.0:801.316.4

А. М. КЛЁСТЕР

Омский государственный
технический университет

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРИРОВАНИИ ДИСКУРСА ИНЖЕНЕРНОЙ ПСИХОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Данное исследование посвящено описанию структуры немецкоязычного дискурса инженерной психологии, в котором выявлены доминантные концепты и модели их структурирования, отраженные в композиционной семантике терминов, что позволяет проникнуть в суть когнитивных процессов, происходящих в рассматриваемой области научного знания.

Ключевые слова: дискурс, инженерная психология, структура, концепт.

Вопросы структурирования дискурса и определение его границ в современной лингвистике не имеют однозначного решения. Данная статья посвящена исследованию лингвистических средств структурирования дискурса инженерной психологии — научной дисциплины об объективных закономерностях процессов информационного взаимодействия человека и техники с целью использования их в практике проектирования, создания и эксплуатации систем «человек — машина — среда» (СЧМС) [1, с. 3].

Термин «дискурс» (*фр.* discours, *англ.* discourse) вошел в широкое употребление в начале 1970-х годов в значении, близком к тому, в каком в русской лингвистической традиции бытовал термин «функциональный стиль». Как отмечает Ю. С. Степанов, при

живом термине «функциональный стиль» потребовался другой термин — «дискурс» [2, с. 38]. Дискурс — явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом — с другой, это речемыслительный процесс, объективированный в некотором множестве текстов, связанных друг с другом общими когнитивными стратегиями понимания, имеющих согласующуюся с этими стратегиями внутреннюю организацию и служащих для передачи и генерирования смысла, а также для декодирования других текстов [3, с. 44].

Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и «не события», то есть:

- а) обстоятельства, сопровождающие события;
- б) фон, поясняющий события;
- в) оценка участников события;
- г) информация, соотносящая дискурс с событиями [4, с. 7].

По мнению Ю. С. Степанова, «это лучшее до сих пор определение дискурса показывает, что для понимания того, что такое дискурс, мы нуждаемся не только в общих рекомендациях — ведь дискурс описывается как всякий язык (а не просто текст), имеющий свои тексты, — мы нуждаемся в хороших описаниях дискурсов, без которых не может быть продвинута их теория» [2, с. 38]. Отметим, что, согласно определению В. З. Демьянкова, дискурс определяется не как «величина», адекватная тексту, а значительно шире. Упомянутое определение также заслуживает внимания в связи с включением в него характеристик, относящихся к разным дисциплинам — от семиотики до теории коммуникации, социологии, модальной логики и т.д.

В данной статье мы, вслед за Н. Ф. Алефриенко, определяем дискурс как «сложное коммуникативно-когнитивное явление, в состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание о мире, мнения, ценностные установки), играющие важную роль для понимания и восприятия информации, так как дискурс — понятие более широкое, чем текст, это одновременно и процесс речевой деятельности, и её результат (текст) — это коммуникативное событие» [5, с. 6]. Дискурс понимается как социально или идеологическая ограниченная совокупность текстов и правил текстопостроения, как совокупность апелляций к концептам [6, с. 38].

Современные учёные определяют концепт как «квант знания» [7, с. 90], как некий идеальный объект, как «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [8, с. 42], как «единицу ментальности данной культуры» [9, с. 49].

Многие учёные (В. И. Карасик, В. В. Красных, Л. О. Чернейко и др.) считают концепт как минимум трёхмерным образованием и выделяют его предметно-образную, понятийную и ценностную составляющие.

Образная сторона концепта включает в себя зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отражённых в нашей памяти, т.е. это релевантные признаки практического знания.

Понятийная сторона концепта — это то, как концепт зафиксирован в языке, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к другим концептам [10, с. 30].

Ценностная (интерпретационная) сторона концепта характеризует важность этого психического образования как для индивида, так и для всего языкового коллектива [11, с. 129].

Объектом исследования концептов принято считать не действительность саму по себе, а её отражение в сознании народов, в их истории. Поэтому изучение концептов должно иметь синхронно-этимологический характер, что позволит не просто представить элементы действительности, а проследить динамику познания мира и формирования языковой картины мира.

Анализ теоретических источников показывает, что утверждение в науке понятия «концепт» позволяет с новых позиций рассматривать закономерности

и особенности корреляции языка, сознания и культуры [12, с. 136], а следовательно, и новые аспекты взаимодействия когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, психологии, культурологии, философии; это расширяет рамки содержательного анализа языковых явлений и придаёт значительно большую глубину и эффективность семантическим исследованиям.

Объектом нашего исследования является дискурс инженерной психологии на немецком языке и характеризуется как сложная система, функционирование которой обусловлено содержанием и основными направлениями данной отрасли научного знания. Инженерно-психологический дискурс представляет собой совокупность письменных научных текстов: монографий, статей, тезаурусов, а также интернет-источников. Очевидно, что цель изучаемого дискурса обуславливается функцией безопасной и комфортной организации взаимодействия человека и техники, направленной на обеспечение исключения человеческого фактора в сбоях этих систем.

По мнению В. З. Демьянкова, дискурс «концентрируется вокруг некоторого опорного концепта» [4, с. 32]. Опорный концепт можно определить путем этимологического анализа названия данной науки в немецком языке, которое в большинстве случаев содержит имя концепта или отсылку к нему, к примеру: **Ingenieurpsychologie** — от **Ingenieur** ~ инженер + **Psychologie** ~ психология.

Концепт ИНЖЕНЕР является опорным в изучаемой терминсистеме, занимая центральное положение в дискурсе инженерной психологии.

В инженерной психологии ИНЖЕНЕР оператор рассматривается как оператор — личность, как субъект труда, как индивид. Человек-оператор как личность выступает в качестве носителя определенных социальных отношений, характеризуется этими отношениями и их отражением в его сознании и деятельности. Человек-оператор как субъект труда — это представитель определенной профессии, возникшей в ходе общественного разделения труда, носитель совокупности профессиональных качеств и навыков того или иного рода.

Наконец, человек-оператор как индивид — это биологическое существо, представитель биологического вида *Homo Sapiens*. Все три аспекта описания человека существенны для понимания деятельности оператора эргатических систем. Поэтому при описании концепта «ИНЖЕНЕР» необходимо подробно рассмотреть совокупность понятий, характеризующих оператора, которая должна охватывать личностные, профессиональные и индивидуально-биологические особенности оператора.

В структуре личности оператора выделяются три аспекта анализа, или три группы свойств личности. Первый — социологический — аспект личности охватывает совокупность отношений человека к отдельным группам общества, к нормам и ценностям, как отдельной группы, так и общества в целом.

Второй аспект личности характеризует совокупность отношений личности в определенной, конкретно взятой группе и включает типологию групп. Этот аспект можно назвать социально-психологическим либо аспектом групповых взаимоотношений (или групповой динамики).

Наконец, третий аспект касается волевых качеств личности, особенностей воли как общего регулятора деятельности человека. Поскольку социологический и социально-психологический аспекты тесно пересекаются с нижевыделенным концептом «ОКРУЖА-

ЮЩАЯ СРЕДА», они будут подробно рассмотрены в описании концепта «ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА» настоящей статьи. Представленная ниже классификация положена в основу систематизации терминологического материала, касающегося свойств инженера-оператора как индивида.

I. Физические качества инженера-оператора ~ Operatorenphysis, терминосочетание, представленный ядерным термином и атрибутом, отражает специфику данного номинативного комплекса и включает в себя следующие аспекты:

— **сила оператора ~ Operatorenkraft** — способность преодолевать внешнее сопротивление или противодействовать ему за счет мышечных усилий;

— **быстрота ~ Grundschnelligkeit, Geschwindigkeit** — способность оператора совершать двигательные действия в минимальный для данных условий отрезок времени;

— **выносливость ~ Dauerleistungsvermögen, Durchhaltvermögen** — способность к длительному выполнению какой-либо деятельности без снижения ее эффективности;

— **координация движений ~ Bewegungskoordination, Bewegungssteuerung** — согласованность одновременно или последовательно выполняемых движений;

— **точность движений ~ Bewegungspräzision, Bewegungsgenauigkeit** — степень соответствия движений двигательной задаче;

— **ловкость ~ Geschicklichkeit** — комплексное качество двигательных способностей оператора, измеряемое следующими показателями: координационной сложностью задания ~ **koordinative Aufgabekompliziertheit**; точностью его выполнения ~ **Präzision der Aufgabenerfüllung**; временем его выполнения ~ **Dauer der Aufgabenerfüllung**; количеством функциональных двигательных единиц, вовлеченных в движение ~ **Funktionseinheitenzahl**;

— **гибкость ~ Bewegungsverflectbarkeit** — способность выполнять движения с большой амплитудой.

II. Свойство нервной системы ~ Eigenschaften des Nervenapparats (ZNS). При анализе свойств оператора рассматриваются характеристики нервной ткани в целом, именуемые также общими или основными свойствами нервной системы; параметры, обусловленные динамикой нервных процессов, и свойства, связанные с рефлекторной активностью нервной системы как основным видом деятельности.

В содержание терминов, относящихся к этой группе, в инженерной психологии, как правило, вкладывается более узкое, а иногда и более прагматичное значение, чем в содержание соответствующего термина в физиологии. Различаются два основных нервных процесса — возбуждение — торможение:

— **возбуждение (возбудительный процесс) ~ Erregung** — реакция нервной системы, которая изменяет скорость или направление активных процессов, протекающих в этой системе, и ведет к рабочему функционированию ее структур;

— **торможение (тормозной процесс) ~ Hemmung** — реакция нервной системы, которая изменяет скорость или направление активных процессов, протекающих в ее структурах, и ведет к уменьшению ее рабочего функционирования. При этом выделяется несколько разновидностей торможения; **внешнее торможение ~ externe (äußere) Hemmung** — торможение, непосредственная причина которого обусловлена активностью участка нервной системы — иного, чем тот, где развивается торможение; **внутреннее торможение ~ innere Hemmung** —

торможение, причина которого непосредственно связана с активностью структур того участка, где развивается торможение. По своей роли торможение разделяется на активное, охранительное и запредельное: **активное торможение ~ aktive Hemmung** — торможение отдельных структур, являющееся обязательной частью функциональной мозаики нервной системы в процессе деятельности; **охранительное торможение ~ Schutzhemmung, Wehrhemmung** — торможение, возникающее при появлении очага возбуждения, поддержание которого может привести к истощению; **запредельное торможение ~ Überbelastungshemmung** — торможение, возникающее в результате невозможности нервных структур поддержать состояние возбуждения;

— **индукция ~ Induktion** — закономерность разветвления процессов возбуждения и торможения во времени и пространстве; появление одного из процессов в структурах, функционально связанных со структурой, где первично появился другой процесс, или смена одного процесса другим.

Для описания пространственной динамики нервных процессов употребляются термины — иррадиация и концентрация;

— **иррадиация ~ Irradiation, Ausstrahlung** — распространение нервного процесса на структуры, не входящие в первичную функциональную структуру афферентных путей;

— **концентрация ~ Konzentration** — развернутый во времени процесс ограничения нервных процессов только на участках, непосредственно входящих в данную функциональную систему.

Нами выделены также периферические концепты, такие как:

— **СОСТОЯНИЕ** — формируется преимущественно терминами, обозначающими патологические явления психики: **микросостояние ~ Mikrozustand** — состояние оператора в течение данного цикла управления; **макросостояние ~ Makrozustand** — состояние оператора в течение нескольких следующих друг за другом циклов управления, определяющее динамику смен микросостояний; **реакция ~ Reaktion** — быстрое изменение состояния оператора под влиянием внешних факторов; **флуктуация состояния ~ Zustandsfluktuation** — кратковременные самоустраняющиеся изменения в состоянии оператора под влиянием внутренних (физиологических) факторов, обусловленных цикличностью биологических ритмов;

— **ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ** — здесь сливаются концептуальные признаки: ОЦЕНКА, ОШИБКИ, ПРОЦЕССЫ инженерно-психологической деятельности, складывающиеся как РЕЗУЛЬТАТ взаимоотношения человека-оператора, машины и окружающей среды: **субъект труда ~ Arbeitssubjekt**; **цели труда ~ Arbeitsziele**; **средства труда ~ Arbeitsmittel**; **предмет труда ~ Arbeitsgegenstand**; **процесс труда ~ Arbeitsprozess**; **продукт труда ~ Arbeitsprodukt**; **условия труда ~ Arbeitsbedingung**;

— **СИСТЕМА** — исследуемый концепт объективируется в понятиях, конкретизирующих свойства и направленность системы: **динамическое узнавание ситуации ~ dynamische Situationserkennung** — формирование плана преобразования одной ситуации в другую ситуацию, план обслуживания которой оператору известен; системы «человек — машина» ~ **Mensch-Maschine** — **Systeme** — это такие системы управления, в которых в качестве объекта управления, или управляемого объекта, служит техническая система, а функции регулятора

(управляющей системы) возложены на человека, либо на коллектив людей; время цикла регулирования (полное время оператора, полное время реакции) ~ **Regelungszykluszeit** — интервал времени между моментом возникновения ситуации обслуживания и моментом ее устранения;

— ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА — имеет немецкий эквивалент **Umwelt** и включает в себя термины, обозначающие физико-химические факторы, а именно: *освещение* ~ **Beleuchtung**; *звукоизоляция* ~ **Lärmschutz, Schallsolierung, Schallschutz**; *климат* ~ **Klima**, а также коммуникативные отношения: *потоки информации* ~ **Informationsfluß, Nachrichtenfluß**; *совместный труд* ~ **Gemeinschaftsarbeit**; *взаимопонимание* ~ **Verständigung, gegenseitiges Einverständnis**; *работа в коллективе* ~ **Teamfähigkeit**.

Таким образом, нами выявлено, что дискурс инженерной психологии состоит из нескольких взаимодействующих концептуальных полей, образующих семантические сети. Отметим, что довольно сложно определить принадлежность термина к определенному концепту, поскольку все термины тесно взаимосвязаны, а инженерная психология является развивающейся наукой и отражает новейшие достижения научно-технического прогресса во многих областях. Проанализировав фрагменты дискурсов исследуемой области, были выявлены доминантные концепты и модели их структурирования, отраженные в композиционной семантике терминов, что позволяет проникнуть в суть когнитивных процессов, происходящих в инженерной психологии.

Библиографический список

1. Клэстер, А. М. Пути формирования и функционирование терминологии инженерной психологии в немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. М. Клэстер. — Омск, 2006. — 24 с.
2. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века : сб. статей. — М. : РГГУ, 1995. — 432 с.

3. Карасик, В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса / В. И. Карасик // Этнокультурная специфика речевой деятельности : сб. обзоров. — М. : ИНИОН РАН, 2000. — С. 44.

4. Демьянков, В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 1 : Порождающая грамматика / В. З. Демьянков ; под ред. Ю. В. Ванникова. — М. : ВЦП, 1979. — 277 с.

5. Алефrienко, Н. Ф. Язык, познание и культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова : моногр. / Н. Ф. Алефrienко. — Волгоград : Перемена, 2006. — С. 6.

6. Слышкин, Г. Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) / Г. Г. Слышкин // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс. — Волгоград, 2000. — С. 38—45.

7. Кубрякова, Е. С. Концепт / Е. С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов. — М.: МГУ, 1996. — С. 90—93.

8. Ришар, Ж. Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений / Ж. Ф. Ришар. — М. : Изд-во Ин-т психологии РАН, 1998. — 232 с.

9. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. — М. : Гнозис, 2003. — 375 с.

10. Дудова, Н. А. Концептуализация атмосферных осадков в немецкой языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Дудова. — Омск, 2007. — 186 с.

11. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2004. — 389 с.

12. Клэстер, А. М. Теоретические основы концептуального моделирования межотраслевой терминосистемы (на материале немецкой терминосистемы инженерной психологии) / А. М. Клэстер // Омский научный вестник. — 2013. — № 2 (116). — С. 135—138.

КЛЭСТЕР Анна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент (Россия), доцент кафедры иностранных языков.

Адрес для переписки: annaklyoster@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.02.2014 г.

© А. М. Клэстер

УДК 811.111:621.397.13

О. А. ГУРЬЯНОВА

Омский государственный
технический университет

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ТЕЛЕВИДЕНИЯ С ПОЗИЦИИ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

В статье рассматривается донаучный период становления английской терминологии телевидения в соответствии с развитием отрасли телевидения в России и за рубежом с последующим этимологическим анализом терминов и историей возникновения некоторых из них.

Ключевые слова: английская терминология телевидения, становление, донаучный период.

Задача данной статьи — дать общую характеристику донаучному периоду формирования английской терминологии телевидения, показать процесс ее становления и развития в диахроническом аспекте. При исследовании были использованы работы по истории и теории данной области знания, словари на ан-

глийском и русском языках, в том числе, толковые, энциклопедические, этимологические, исторические, с помощью которых устанавливалось время появления, трансформация, перевод отдельных терминов, а также работы по терминоведению и терминографии [1—3].

Знание истории развития телевидения — необходимый элемент исследования, с которого надо начинать ознакомление с проблематикой терминологии данной области науки. Без знания предыстории научной дисциплины невозможно глубоко разобраться в её истории, понять то новое, что она с собой принесла [4].

Вслед за К. Ю. Симоновой, мы также убеждены, что «...формирование каждой, в том числе исследуемого подъязыка, терминологии имеет длительную историю, в которой отражаются особенности формирования языка под влиянием внутренних и внешних факторов» [5, с. 38–39].

Латинский язык служил в качестве письменного языка английского общества — среди ученых, духовенства, юристов, врачей и т.д., на протяжении столетий, в связи с чем обилие латинских заимствований характерно и для терминов телевидения.

Долгое время люди мечтали о возможности передачи изображения и звука на расстояние. Осуществить эту мечту человечеству все же удалось в то время, когда общее развитие науки и техники подготовило основу для передачи изображения на любое расстояние.

Термин **television** ~ *телевизи́он* (греч. *τίλη* — далеко и лат. *video* — вижу) означает область науки, техники и культуры, связанная с передачей зрительной информации (подвижных изображений) на расстояние радиоэлектронными средствами; собственно способ такой передачи [6]. В обиходе используется также для обозначения организаций, занимающихся производством и распространением телевизионных программ.

Основной задачей телевидения является распространение информации (политической, культурной, научно-познавательной или учебной), наряду с радиовещанием телевидение выступает одним из основных средств связи.

Телевидение — это одно из относительно новых средств массовой информации (моложе только Интернет [7]). Под коммуникацией понимается передача информации от человека к человеку. К раннему виду коммуникативной деятельности относят систему сигналов, как у животных, далее — знаков, а еще позднее возникла речь, требуемая для координации совместных действий человека. Последующее развитие коммуникации привело к изобретению письменности и книгопечатания, появились газеты. Однако, для оперативной передачи информации этих средств не хватало. Световые сигналы, используемые в древности, нельзя было передавать на дальние расстояния, так как свет не способен проникать сквозь естественные препятствия и даже в пределах прямой видимости ему может мешать, например, обычный туман.

Открытие радиоволн способствовало тому, что проникновение информации стало повсеместным, несмотря на дальность и преграды. У человека появилась возможность получать оперативную информацию через органы слуха по радио, а представление о пространственном изображении статических объектов — через фотоснимки, опубликованные в прессе. Более 80% информации человек получает через органы зрения, улавливая отражаемый или излучаемый объектом свет. Человеческий глаз может воспринимать электромагнитные излучения в диапазоне длин волн 400–700 нм. Трансформировав свет в оптическое изображение и электрические сигналы, появилась возможность осуществить передачу звука и изображения, дистанционно отобразить в сознании человека информацию о движущихся объектах.

У человека появилась возможность видеть и слышать в масштабах огромного мира.

Для того, чтобы осуществить передачу и прием телевизионного сигнала, нужно трансформировать свет в электрические сигналы, передать эти сигналы по определенному каналу связи, осуществить обратное преобразование электрических сигналов в свет.

Научные основы для изобретения ТВ начали формироваться еще в Средние века, когда неизвестный изобретатель камеры-обскуры смог преобразовать свет в оптическое изображение. По прошествии двух веков, в 1817 г., шведский химик и минеролог Йенс Якоб Берцелиус (1779–1848) открыл химический элемент селен (от греч. *Selene* — Луна), который использовали для преобразования света в электрические сигналы, но практически это удалось осуществить в 1839 г. Французскому физика Антуану Сезару Беккерелю (1788–1878).

Для обратной трансформации (электричество — свет) применялись газоразрядные источники света — приборы, в которых электрическая энергия при прохождении электрического тока через газ преобразовывалась в оптический сигнал. Такую безынерционную трубку изобрел в Германии в 1855 г. Иоганн Генрих Гейслер (1815–1879).

Теоретический этап основ телевидения был завершен. Начался период практического осуществления изобретений с их постоянным совершенствованием.

В 1824 г. был изобретен **thaumatrope** ~ *тауматроп* (др.-греч. *θαύμα* — «чудо» и *τροπή* — «вращение») игрушка, основанная на оптической иллюзии: при быстром вращении кружка с двумя рисунками, нанесенными с разных сторон, они воспринимаются как один [8]. Жорж Садуль утверждает, что создателем тауматропа является Джон Гершелл (английский астроном и физик). Ещё в 1824 году он поспорил со своим другом Чарльзом Беббиджем (английский математик, изобретатель первой аналитической вычислительной машины), что сможет показать ему одновременно две стороны золотой гинеи. Он вращал монету на ребре, а Беббиджа попросил поместить глаз на её уровне. Обе стороны монеты слились воедино. В 1825 Генри Фиттон и доктор Пари, популяризируя этот опыт, превратили его в детскую игрушку, получившую имя *тауматроп*.

В 1828 году брюссельский физик Жозеф Плато, продолжая опыты Роджета (британский физик, лексикограф, занимающийся иллюзией движения), создал **anortoscope** ~ *анортоскоп* (от греч. *a* — отриц. част., *n* — плавная буква, *orthos* — «правильный», *σκοπέω* — «смотрю»). Принцип работы этого прибора основан на очень быстрой (более 7 раз в секунду) смене зрительных ощущений, смешивающихся в итоге в одно. Анортоскоп состоит из двух параллельных кружков, один из которых имеет прорезы, а на другом сделан уродливый рисунок. Кружки вращаются вокруг общей оси, но в противоположных направлениях и с различными скоростями. При быстром вращении обоих кружков рисунок через прорезь кажется правильным. Это направление исследований Плато получило название **anamorphose** ~ *анаморфоз* (от греч. *anamorphosis*, от *ana* — наоборот, *morphe* — вид, образ). Анаморфоз — преднамеренно искажённое изображение, которое, рассматриваемое с определённой точки, принимает правильный вид.

Позднее, в 1832 г., Жозеф Плато изобрел **phenakistoscope** ~ *фенакистископ* (от греч. *φάναξ* — «обманщик» и *σκοπέω* — «смотрю») лабораторный прибор, конструкция которого основана на персистенции, способности сетчатки человеческого глаза

сохранять изображения. Аппарат состоит из картонного диска с прорезанными в нем отверстиями. На одной стороне диска нарисованы фигуры. Когда диск вращают вокруг оси перед зеркалом, то фигуры, рассматриваемые в зеркале через отверстия диска, представляются не вертящимися вместе с диском, а, наоборот, кажутся совершенно самостоятельными, совершающими движения.

Почти одновременно с Плато Симон фон Штампер изобрел аппарат, очень похожий на фенакстископ и назвал его **stroboscope** ~ *стробоскоп* (греч. *στροβοσ* — «кружение» и *σκοπεω* — «смотрю») — прибор, позволяющий быстро воспроизводить повторяющиеся яркие световые импульсы. Первые стробоскопы представляли собой источник света с помещённым перед ним обтюратором (от лат. *obturo* — закрываю): двумя непрозрачными дисками — неподвижным и вращающимся — с узкими прорезями. Когда прорези совмещались, исследуемый с помощью стробоскопа объект освещался.

Все эти устройства работали по принципу вращения картинок, что создавало иллюзию движения. Впоследствии в термин **zoetrope** ~ *зоотроп* (др.-греч. *ζωη* — «жизнь» и *τροπη* — «вращение»; *zoetrope* — «колесо жизни») объединил все вышеперечисленные названия. Изобретателем зоотропа является Уильям Джордж Горнер. Сам он назвал свое изобретение **daedalum** ~ *гегалеум* (в честь Дедала) или «the wheel of the devil» («колесо дьявола»). В 1860 году француз Дезвиль и американец Уильяма Е. Линкольн закрепили за всеми подобными устройствами название «Zoetrope» — «wheel of life» («колесо жизни») [9].

Позднее, в 1837 году, Чарльзом Уитстоном был изобретён **stereoscope** ~ *стереоскоп* (греч. *στερεος* — «объёмный» и *σκοπεω* — «смотрю») оптический бинокулярный прибор для просмотра «объёмных» фотографий. Принцип работы прибора основан на том, что если сфотографировать какую-либо сцену с двух точек, расположенных на некотором расстоянии друг от друга (примерное расстояние между глазами человека), а затем расположить получившуюся пару снимков (так называемая стереопара) так, чтобы один глаз видел только один снимок, а другой глаз — второй, то человек увидит «объёмное» изображение [10].

Позднее, в 1842 г., шотландец А. Бейн выдвинул принцип **facsimile telegram** ~ *факсимильная телеграмма* (от лат. «facsimile» — «делай подобное» и от др.-греч. *τῆλε* «далеко» + *γραμμή* «черта, линия, грамота», из *γραφή* «пишу, рисую, описываю») — передача по телефонным линиям изображений, которые у получателя выглядят как отпечаток оригинала. В этот период были проведены первые опыты по передаче неподвижных изображений на расстоянии [9].

В 1862 г. работавший в России итальянец Д. Козелли, используя принцип, разработанный А. Бейном, изобрел «химический телеграф», для передачи по проводам неподвижного изображения — рисунка или текста. С помощью телеграфа нового типа можно было осуществлять передачу текста либо рисунка по проводам. Новинка была названа **pantelegraph** ~ *пантелеграф* Козелли. Телеграф был испытан на линии связи Петербург — Москва, но не получил признания [11].

В 1873 году Уиллоуби Смит обнаружил, что селен является фотопроводящим. Затем **photoeffect** ~ *фотоэффект* изучался в 1887 году Генрихом Герцем. Фотоэффект лежит в основе телевидения — это вырывание электронов из вещества, при воздействии на него светом в селене.

Важным шагом в истории развития телевидения было создание в 1879 году Уильямом Круксом прообразом электронной трубки. Крукс установил, что катодные лучи распространяются линейно, но могут отклоняться магнитным полем. Также он обнаружил, что при попадании катодных лучей на некоторые вещества последние начинают светиться. Для обозначения этих веществ был введен термин **luminoaphore** ~ *люминофор* (от лат. *lumen* — свет и др.-греч. *φορος* — несущий). Позднее было установлено, что яркость свечения люминофоров напрямую зависит от силы их облучения [10].

Еще в 1880 г. профессор физики из Португалии Адриано де Пайва и французский изобретатель К. Сенлек технически обосновали в своих работах возможность «телектроскопии», где просматривались черты будущего механического телевидения. Термин **telectroscope** ~ *телектроскоп* впервые использовал французский писатель и публицист Луи Фигье в 1878 г. Почти одновременно в 1880 г. русский ученый П. И. Бахметьев и А. де Пайва выдвинули основополагающий принцип телевидения — необходимость разложения изображения на отдельные элементы для последовательной их передачи на расстояние — **scanning** ~ *развертка*) [12].

Первый период становления английской терминологии телевидения можно считать завершённым с изобретением в 1884 г. Паулем Нипковым механического устройства для сканирования изображений — **Nipkowdisk** ~ *диск Нипкова*. Этот диск являлся неотъемлемой частью многих систем механического телевидения **mechanical television** ~ *механическое телевидение*.

Бурное развитие науки и техники сопровождалось появлением большого количества слов, выражающих новые понятия. Многие из этих терминов приобретали всеобщее употребление. Значительная часть научной технической терминологии в английском языке создана из латинских и греческих корней.

При изучении терминологии телевидения на начальном этапе его развития было отмечено, что основной ее пласт составляют заимствования из греческого языка.

Многие ученые при изобретении новых устройств вводили термины для их обозначения, обращаясь к латинскому и греческому языкам как к признанным языкам науки и техники.

Библиографический список

1. Кондратьюкова, Л. К. Становление и развитие терминологии вычислительной техники в английском языке : дис. ... канд. филол. наук / Л. К. Кондратьюкова. — Омск : ОмГТУ, 1984. — С. 190.
2. Марчук, Ю. Н. Основы терминографии / Ю. Н. Марчук. — М. : МГУ, 1992. — С. 123.
3. Гринев, С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев. — М.: Московский лицей, 1993. — С. 309.
4. Клэстер, А. М. История развития терминологии инженерной психологии (на материале немецкого языка) / А. М. Клэстер // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов, 2013. — № 3–2 (21). — С. 103–106.
5. Симонова, К. Ю. Становление и развитие терминологии английского подязыка экологии : моногр. / К. Ю. Симонова. — Омск : Изд-во СибГУФК, 2013. — С. 120.
6. Лапин, С. Г. Телевидение / С. Г. Лапин. // Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 16. — М. : Советская энциклопедия, 1978. — С. 115.
7. Шумайлова, М. С. Терминология Интернета в системе современного немецкого языка / М. С. Шумайлова. // Омский

научный вестник. — 2011. — № 5 (101). — С. 139–142.

8. Чудинов, А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / А. Н. Чудинов. — СПб. : Издание В. И. Губинского, 1910. — С. 960.

9. Садуль, Ж. Всеобщая история кино / Ж. Садуль. — М.: Искусство, 1958. — Т. 1. — С. 660.

10. Резников, М. Р. Радио и телевидение вчера, сегодня, завтра / М. Р. Резников. — М. : Связь, 1977. — С. 95.

11. Саруханов, В. А. Азбука телевидения / В. А. Саруханов. — М.: Аспект Пресс, 2002. — С. 223.

12. Урвалов, В. А. Очерки истории телевидения / В. А. Урвалов. — М. : Наука, 1990. — С. 216.

ГУРЬЯНОВА Оксана Александровна, аспирантка кафедры иностранных языков.

Адрес для переписки: a-ksinya@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 27.01.2014 г.

© О. А. Гурьянова

УДК 811.111:001.4

Ю. Е. КОСТЕРИНА

Омский государственный
технический университет

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАРОЖДЕНИЯ АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ФИЗИКИ НИЗКОРАЗМЕРНЫХ СИСТЕМ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

В данной работе представлен диахронический аспект изучения терминологии. Рассматриваются основные открытия, приведшие к выделению физики низкоразмерных систем в самостоятельный раздел научного знания, повлиявшие как экстралингвистические факторы на зарождение английской терминологии физики низкоразмерных систем.

Ключевые слова: термин, терминология, терминоведение, социоллингвистика, история терминологии.

История развития терминологии тесно связана с историей развития понятий, и в целом с историей развития научной области знания, так как термины являются языком науки, и основным свойством термина признают его способность выражать понятие. Изучая историю терминологии, мы видим, как развивалась научная мысль, повлиявшая на прогресс научного знания. Исследование особенностей зарождения, образования и развития терминологий различных областей знания относится к насущным теоретическим задачам терминоведения [1, с. 10].

Отправной точкой диахронических исследований можно считать время возникновения терминологической лексики. Нами предпринята попытка определить дату появления некоторых базовых терминов физики низкоразмерных систем (ФНС) в связи с развитием соответствующей отрасли знания.

Новизна настоящего исследования обусловлена социоллингвистическим подходом. Работа выполняется в рамках коллективной темы «Проблемы научно-технической терминологии в социоллингвистическом освещении» [2, с. 7]. В русле социоллингвистического подхода лежит проблема воздействия общества на язык и влияния языка на общественное развитие, изучается социальная обусловленность языковых явлений. Представляется важным учет экстралингвистических факторов, влияющих на процессы становления языка. Развитие науки обусловлено как новыми открытиями, сделанными в данной области знания, так и переосмыслением известных фактов. Появление новых реалий в науке экстралингвистически

обуславливает возникновение терминологии, так как появляется необходимость номинации новых объектов. Поскольку терминология возникает в связи с развитием соответствующей отрасли знания, рассмотрим основные открытия, приведшие к выделению ФНС в самостоятельный раздел научного знания.

Наиболее интенсивное развитие ФНС отмечается с 1970-х годов. Английский термин **physics of low dimensional systems** — физика низкоразмерных систем входит в научный обиход в 70-е гг. XX века и обозначает раздел современной физики твердого тела, изучающий основные физические свойства систем с пониженной размерностью: полупроводниковых структур с двумерным электронным газом — квантовых ям, квантовых нитей и квантовых точек [3]. Многие авторы-специалисты в области физики считают, что семидесятые годы прошлого столетия ознаменовались рядом выдающихся открытий, которые повлияли на становление и развитие ФНС.

В 1971 — 1973 гг. получены первые одноатомные эпитаксиальные полупроводниковые пленки, так называемые **quantum wells** — квантовые ямы, заложившие начало практической физике и технологии низкоразмерных систем. В 1978 г. Р. Дюпюи (R. D. Dupuis) и П. Даркус (P. D. Darkus) в сотрудничестве с Н. Голоньяком (N. Holonyak) впервые сообщили о создании лазера на квантовой яме — **quantum well lasers**. В этой работе и был впервые употреблен термин **quantum well** — квантовая яма [4].

В русскоязычной литературе того времени данный термин получил перевод *квантовый колодец*. Поскольку первое значение общеупотребительного слова **well** в толковом словаре обозначено как *колодец; a deep hole made in the ground through which water can be removed* [5]. Далее словарь дает значения *родник, ключ, вогоям: an issue of water from the earth* [5]. Но поскольку в языке существовало понятие *потенциальная яма*, а «квантовая яма может быть рассмотрена как одномерная потенциальная яма для квантовой частицы, в которой движение частицы ограничено двумя измерениями» [6], то в русском языке закрепился термин *квантовая яма*.

Изучение квантовых ям и способы их получения положили начало эпохе новых электронных приборов с высокими потенциальными возможностями использования. Это стало экстралингвистическим фактором обогащения языка науки новыми терминами. Например: **resonant tunneling diode** — *резонансный туннельный диод* — это «первое реальное устройство с квантовой ямой и барьерами. Он был создан Лео Эсаки и Чангом в 1974 году. Идея прибора была предложена раньше. Это сделал Л. Йогансен в 1963 году» [7, с. 85].

Появление туннельных диодов дало толчок развитию электроники и использованию процессов туннелирования в различных устройствах. В настоящее время процессы туннелирования положены в основу технологий, позволяющих оперировать объектами со сверхмалыми размерами. Предпосылками данного выдающегося открытия можно считать найденные Г. А. Гамовым в 30-х годах XX века решения уравнения Шредингера, которые показали возможность преодоления частицей энергетического барьера даже в том случае, когда энергия частицы меньше высоты барьера [8, с. 14]. Это явление, вербализованное термином **tunneling** — *туннелирование*, позволило объяснить многие экспериментально наблюдавшиеся процессы, ранее не имеющие теоретического обоснования.

Другим базовым термином ФНС является **quantum Hall effect** — *квантовый эффект Холла*. История его вхождения в научный подъязык физики связана с 1980 годом, когда Клаус фон Клитцинг (Klaus von Klitzing) совместно с Г. Дордой (Gerhard Dorda) и М. Пешпером (Michael Pepper) сделал открытие, представляющее собой эффект квантования холловского сопротивления или проводимости двумерного электронного газа в сильных магнитных полях и при низких температурах [9]. Явление, выраженное термином **quantum Hall effect** — *квантовый эффект Холла*, наиболее яркое проявление новых свойств, возникающих при понижении размерности, нашло широкое практическое применение. Через пять лет после открытия данного явления, в 1985 году, Клаус фон Клитцинг получил Нобелевскую премию.

В структуре данного термина присутствует имя собственное **Hall**, которое не обозначает автора открытого явления, но было присвоено в честь известного американского ученого Эдвина Герберта Холла (Edwin Herbert Hall, 1855–1938). Имя выдающегося ученого как эпонимный компонент входит в терминологическое сочетание **Hall effect** — *эффект Холла*. Английская физическая терминология обогащается данным термином в результате открытия Эдвином Гербертом Холлом в 1879 г. в тонких пластинках золота «явления возникновения поперечной разности потенциалов (называемой также холловским напряжением) при помещении проводника с постоянным током в магнитное поле» [10, с. 3].

Термин впоследствии взят за основу при номинации новых фундаментальных физических понятий. В связи с открытием К. фон Клитцингом в 1980 г. эффекта квантования холловского сопротивления входит в употребление термин, состоящий из трех терминологических элементов: **quantum Hall effect** — *квантовый эффект Холла*. Фон Клитцинг обнаружил так называемый *целочисленный квантовый эффект Холла integer quantum Hall effect*, но появление четвертого компонента в данном терминологическом сочетании отмечено двумя годами позже.

В 1982 г. Даниэль Цуи (Daniel Tsui) и Хорст Штёрмер (Horst Störmer) обнаружили квантование холловского сопротивления и наблюдали «плато» в холловском сопротивлении не только при целых значениях фактора заполнения, но и при дробных, в частности $n = 1/3$ [11]. Открытие получило название **fractional quantum Hall effect** — *дробного квантового эффекта Холла*. В 1983 году природа дробного квантового эффекта Холла была объяснена Р. Лафплином (Robert V. Laughlin). Суть данного явления заключается в том, что несколько электронов объединяются в новую частицу, заряд которой меньше заряда электрона. В 1998 году Цуи, Штёрмер и Лафплин получили Нобелевскую премию по физике за открытие и объяснение дробного квантового эффекта Холла с формулировкой «for their discovery of a new form of quantum fluid with fractionally charged excitations» [12].

В результате открытия дробного квантового эффекта Холла происходит уточнение понятия **quantum Hall effect** — *квантовый эффект Холла*, и в языке закрепляется четырехкомпонентный термин **integer quantum Hall effect** — *целочисленный квантовый эффект Холла*. Здесь мы наблюдаем нарастающее количество терминологических элементов в структуре производных терминов.

Физика низкоразмерных систем, изучая процессы микромира, является теоретической основой нанотехнологии, в связи с этим рассмотрим историю вхождения в язык науки термина **nanotechnology** — *нанотехнология*. Появление термина отмечено в 1974 году, что явилось заслугой японского ученого Норико Танигучи (Танигучи) (Norio Taniguchi) [13], [8, с. 7]. **Nano** — *нано* (от греч. nanos — карлик) — одна из приставок международной системы единиц, означает одну миллиардную долю. Нанотехнологиями Н. Танигучи называл процессы создания полупроводниковых структур с точностью порядка нанометра с помощью методов фокусированных ионных пучков, осаждения атомных слоев и др. Первоначально термин имел дефисное написание **nano-technology**, а закрепился в языке как **nanotechnology**. В 1980-х годах термин **nanotechnology** — *нанотехнология* в своих трудах использовал Эрик К. Дрекслер (Eric Drexler). Этим термином он называл новую область науки, которую исследовал в своей докторской диссертации в Массачусетском технологическом институте. Центральное место в его исследованиях играли математические расчёты, с помощью которых можно было проанализировать работу устройства размерами в несколько нанометров.

Научные труды Э. Дрекслера широко распространили термин **nanotechnology**, и кроме того, обогатили язык такими понятиями и терминами, их номинарующими, как **self-organization** *самоорганизация* и **self-assembly** *самосборка*, обозначающие широко исследуемые в наши дни явления микромира (введение понятий датируется 1987 годом), а также термином **grey goo** — *серая слизь*, о котором в 2004 году

Э. Дрекслер выразил сожаление, что ввел его в употребление.

Возвращаясь к истории термина **nanotechnology**, отметим, что многие англоязычные источники первое упоминание методов, которые впоследствии будут названы **nanotechnology** — *нанотехнологией*, связывают с известным выступлением Ричарда Фейнмана (Richard Phillips Feynman) «Там внизу много места» («There's Plenty of Room at the Bottom»). Знаменитая лекция была прочитана в 1959 году в Калифорнийском технологическом институте на ежегодном заседании Американского физического общества. Р. Фейнман предположил, что возможно механически перемещать одиночные атомы при помощи манипулятора соответствующего размера, для создания очень малых объектов с необычными свойствами, по крайней мере, такой процесс не противоречил бы известным на сегодняшний день физическим законам [14]. Эта идея была реализована в дальнейшем благодаря созданию сканирующего туннельного микроскопа (Г. Биннинг, Г. Рорер, 1981 г.) и атомно-силового микроскопа (Цюрихское отделение корпорации IBM, 1986 г.) [8, с. 14].

Подводя итоги, можно констатировать, что первое употребление термина **nanotechnology** в устной речи отмечено в 1959 году, фиксация в письменной речи произошла в 1974 году, а 1980 — 1990 гг. можно считать временем проникновения в лексикон широкого круга ученых, а также в другие языки.

Другим узкоспециальным термином ФНС является **Wigner crystal** — *вигнеровский кристалл* или *кристалл Вигнера*. Отметим, что синтаксические варианты терминов ФНС функционируют только в русском языке. Проблема вариантности терминов на синтаксическом уровне в английском языке отсутствует, в связи с грамматическими особенностями языка. В 1979 году американскими учеными Граймсом (С. Grimes) и Адамсом (G. Adams) впервые экспериментально наблюдался *вигнеровский кристалл* — **Wigner crystal** для электронов над жидким гелием. Вигнеровский кристалл — упорядоченное состояние электронов, находящихся в поле положительного, равномерно распределённого заряда, впервые предсказанное в 1934 г. американским физиком и математиком венгерского происхождения, лауреатом Нобелевской премии по физике 1963 года Юджином Вигнером (Eugene Wigner) [15].

Затрагивая лингвистическую проблему вариантности, заметим, что языковеды единодушны в определении вариантов как сосуществующих параллельных способов выражения одного и того же значения. Однако сущность синтаксических вариантов в лингвистике не находит единого истолкования [16]. Под синтаксическими вариантами мы понимаем языковые единицы, отвечающие требованиям тождественности грамматического значения, которая дополняется также тождественностью семантического значения. Изучение проблемы синтаксической вариантности более подробно представлено в работах И. Р. Выхова-нец, Э. Д. Головиной, З. И. Иваненко, Л. П. Литвина, О. И. Москальской, Р. П. Рогожниковой, В. Д. Семиряк, Д. С. Станишева, Ф. П. Филина, В. М. Филиппова, Е. И. Шендельс и других отечественных авторов.

Другим экстралингвистическим фактором, вызвавшим появление ряда терминов, послужило создание технологического и контрольно-измерительного оборудования для получения и исследования структур материи наноразмерного уровня. Высокоразрешающие электронные просвечивающие, сканиру-

ющие туннельные и силовые атомные микроскопы, сменив оптические микроскопы, позволили наблюдать и измерять объекты пониженной размерности, что стало толчком к изучению низкоразмерных систем.

В 1981 году немецким физиком Гердом Карлом Биннигом (Gerd Karl Binnig; род. 20 июля 1947) и швейцарским физиком Генрихом Рорером (Heinrich Rohrer; род. 6 июня 1933) в лаборатории Цюриха изобретен **scanning tunneling microscope** — *сканирующий туннельный микроскоп*. За это изобретение с формулировкой «for their design of the scanning tunneling microscope» ученые удостоены Нобелевской премии по физике за 1986 год. Премия была разделена между ними и Эрнстом Руска (Ernst Ruska) — изобретателем первого электронного микроскопа, выраженного термином **transmission electron microscope** — *просвечивающий электронный микроскоп*, с формулировкой «for his fundamental work in electron optics and for the design of the first electron microscope» [12]. В 2007 г. сканирующий туннельный микроскоп был усовершенствован и дал возможность регистрировать процессы наномира в реальном масштабе времени.

В 1986 году Г. Бинниг (Gerd Karl Binnig) разработал *сканирующий атомно-силовой микроскоп* **scanning atomic-force microscope**, позволивший изучать объекты, над которыми двигалась игла датчика. Такой микроскоп, в отличие от *сканирующего туннельного микроскопа* **scanning tunneling microscope**, может взаимодействовать с любыми объектами, а не только с токопроводящими материалами.

В. Н. Неверов отмечает, что возможности широкого изучения низкоразмерных систем стали доступны после изобретения **scanning tunneling microscope** — *сканирующего-туннельного микроскопа* и **scanning atomic-force microscope** — *атомно-силового микроскопа* [17, с. 38]. Таким образом, уровень развития науки и техники позволил появиться оборудованию, которое позволяет изучать и непосредственно изготавливать структуры пониженной размерности.

То обстоятельство, что *квантово-размерные структуры* **quantum-dimensional structures** находятся в центре внимания именно в наши дни, вызвано также интенсивным развитием технологий изготовления полупроводниковых структур: **molecular beam epitaxy** — *молекулярно-лучевой эпитаксии*, **vapor-phase epitaxy** — *газофазной эпитаксии*, **nanolithography** — *наноитографии*, и открытием явления **self-assembly** — *самоорганизации* наноструктур. Современные технологии дают возможность создания такого рода структур любого профиля с точностью до одного атомного слоя [3, с. 4].

Итак, к числу выдающихся открытий, рассматриваемых нами как экстралингвистические факторы, повлиявшие на становление ФНС в качестве самостоятельной дисциплины, можно отнести следующие: обнаружение явления квантования холловского сопротивления, впоследствии выраженного в терминах **integer quantum Hall effect** — *целочисленный квантовый эффект Холла* и **fractional quantum Hall effect** — *дробный квантовый эффект Холла*, открытия кристаллизации квазидвумерных электронов и дырок, вербализованного термином **Wigner crystallization** — *вигнеровская кристаллизация*, а также явление новых композитных частиц и квазичастиц с дробным зарядом **composite fermion** — *композитный фермион*, **skyrmion** — *скирмион*, **anyon** — *энион*. Другим экстралингвистическим фактором, повлия-

явшим на становление ФНС, мы считаем уровень развития техники, позволяющей экспериментально изучать объекты пониженной размерности.

Таким образом, на основе изученной специальной литературы удалось установить время возникновения некоторых английских базовых терминов ФНС и рассмотреть историю их происхождения в связи с развитием соответствующей отрасли знания. Наука, развиваясь в результате новых открытий, экстралингвистически обуславливает становление и развитие научной терминологии. Описанные выше открытия стали серьезным достижением научной мысли и привели к выделению ФНС в самостоятельный раздел научного знания. Наиболее интенсивное развитие ФНС, выразившееся в повышенном внимании научного сообщества к предмету исследования ФНС, отмечено в семидесятых годах прошлого века. В этот период наблюдается рост терминологических номинаций, обозначающих физические понятия, ставшие впоследствии базовыми узкоспециальными терминами ФНС. Поэтому правомерно считать 1970-е годы периодом зарождения ФНС как самостоятельной дисциплины.

Дальнейшее исследование английской терминологии ФНС в плане диахронии с применением социолингвистического метода корреляции языковых и социальных явлений является перспективным, учитывая отсутствие работ, посвященных комплексному изучению данного вопроса.

Библиографический список

1. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение / С. В. Гринёв-Гриневиц. — М. : Академия, 2008. — 304 с.
2. Ткачёва, Л. Б. Основные закономерности английской терминологии : монография / Л. Б. Ткачёва. — Томск : Изд-во ТГУ, 1987. — 200 с.
3. Физика низкоразмерных систем / А. Я. Шик [и др.]. — СПб. : Наука, 2001. — 160 с.
4. Алфёров, Ж. И. История и будущее полупроводниковых гетероструктур / Ж. И. Алфёров // Физика и техника полупроводников. — 1998. — Том 32. — № 1. — С. 3–18.
5. Словарь Merriam Webster [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 20.03.2013).
6. Энциклопедический словарь нанотехнологий [Электронный ресурс]. — URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/> (дата обращения: 20.03.2013).

7. Демиховский, В. Я. Квантовые ямы, нити, точки. Что это такое? / В. Я. Демиховский // Соросовский образовательный журнал. — 1997. — № 5. — С. 80–86.

8. Нанотехнологии. Азбука для всех / Под ред. Ю. Д. Третьякова. — М. : ФИЗМАТЛИТ, 2008. — 368 с.

9. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. — URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 19.11.2013).

10. Гавриленко, В. И. Квантовый эффект Холла / В. И. Гавриленко, А. В. Иконников : Электронное методическое пособие. — Нижний Новгород : НГУ им. Н. И. Лобачевского, 2010. — 13 с.

11. Tsui, D. C. Nobel lecture. December 8, 1998: Interplay of disorder and interaction in two-dimensional electron gas in intense magnetic fields / Daniel C. Tsui // Nobelprize.org. Nobel Media AB 2013. Web [Электронный ресурс]. — URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/physics/laureates/1998/tsui-lecture.html (дата обращения: 26.01.2014).

12. Nobelprize.org Official web site of the Nobel prize : The Nobel Prize in Physics 1998 [Электронный ресурс]. — URL : http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/physics/laureates/ (дата обращения: 26.01.2014).

13. Taniguchi, N. On the basic concept of «nano-technology»/ N. Taniguchi // Proc. Intl. Conf. Prod. Eng. — Tokyo, Japan : Society of Precision Engineering, 1974. — Part II. — P. 72–94.

14. Научно-информационный портал по нанотехнологиям [Электронный ресурс]. — URL : <http://nano-info.ru/nanotechnologies/> (дата обращения: 17.01.2014).

15. Wikipedia [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 15.05.2013).

16. Литвин, Л. П. Вариантность синтаксических средств в структуре простого предложения современного украинского языка (падежные и предложно-падежные формы) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Л. П. Литвин. — Киев, 1984. — 205 с.

17. Неверов, В. Н. Физика низкоразмерных систем / В. Н. Неверов, А. Н. Титов. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ им. А. М. Горького, 2008. — 232 с.

КОСТЕРИНА Юлия Евгеньевна, аспирантка, преподаватель кафедры «Иностранные языки». Адрес для переписки: kosterina77@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.01.2014 г.

© Ю. Е. Костерина

Книжная полка

Английский язык для технических вузов : учеб. для вузов по направлению подгот. «Инженерное дело, технологии и технические науки» (квалификация – бакалавр) / Т. А. Карпова [и др.] ; под ред. А. В. Николаенко. — М. : КНОРУС, 2014. — 345 с. ББК 81.432.1/А64

Разработан на основе компетентностного подхода к обучению иностранному языку для специальных целей в соответствии с ФГОС ВПО и отвечает требованиям учебных программ третьего поколения по дисциплине «Иностранный язык» для бакалавров неязыковых вузов. Учебник включает в себя: курс повторения с тестами; основной курс, в состав которого входят тексты для развития навыков всех видов чтения, аудирования, аннотирования, реферирования; тексты-диалоги; разговорные клише для развития навыков устной и письменной речи; лексико-грамматические упражнения и тесты; грамматические пояснения ко всем разделам учебника; англо-русский словарь контекстуальных значений активной лексики. Соответствует Федеральному гос. образовательному стандарту высшего профессионального образования третьего поколения. Для студентов технических направлений вузов.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПИСЬМЕННОСТИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ОСНОВНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ПОЯВЛЕНИЯ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА

Данная статья посвящена изучению истории английского языка, а именно ранним периодам: дописьменному и письменному. Исследуются различные точки зрения отечественных и зарубежных ученых на проблему периодизации истории английского языка. Приводится обзор письменных памятников. В статье дается обоснование появления издательского дела.

Ключевые слова: письменность, письменные памятники, периодизация истории английского языка, ранний период, издательское дело.

В настоящей статье предпринимается попытка исследовать пути зарождения и развития письменности. Под термином «письменность» следует понимать систему закрепления на материале (камне, папирусе, бумаге и др.) звуков речи и слов языка при помощи условных знаков с целью передачи их от одного человека к другому [1, с. 42]. Вопрос появления и распространения письменности исследовался как отечественными, так и зарубежными учеными [1–8].

По словам Акопова [2, с. 8] в процессе развития человеческого общества в течение тысячелетий формировались и совершенствовались различные способы передачи информации и формы закрепления знания. Задолго до появления письменности информация передавалась в устной форме: новостная — через гонцов, фундаментальная — с помощью представителей интеллектуальной элиты (учителя, религиозные лидеры и др.).

Необходимо сказать, что различают следующие исторические типы письма:

- 1) дописьменные системы передачи информации;
- 2) собственно системы письма: (пиктография, идеография, слоговое письмо, буквенно-звуковое (фонографическое).

Дописьменные системы передачи информации могли быть **непреднамеренными**: дым костра, следы, остатки пищи и т.д. Они многократно повторялись и переходили со временем в **преднамеренные**; частично они сохранились до наших дней. Например, дымовые сигналы у аборигенов Австралии указывали место перекочевков. Хронологически наиболее ранними были такие преднамеренные системы передачи информации, как *символические послания* (*символическая сигнализация*). В этих посланиях каждый предмет что-либо символизирует [1].

Что касается английского языка, то можно сказать, что данный язык известен по письменным памятникам начиная с VII века нашей эры. По мнению Т.А. Расторгуевой, следует выделять семь периодов, на которые делится история английского языка [3, с. 50]. Однако существует мнение И. Ивановой о том, что периодизация истории английского языка является условной. Как справедливо замечает И. Иванова, «любая периодизация всегда условна, ибо она не мо-

жет охватывать всех сторон языка» [4, с. 7] Т.А. Расторгуева выделяет **дописьменный** (доисторический) **период**, который она называет Early Old English с V по VII вв. Устные разговорные диалекты не являлись письменными формами английского языка. Вслед за И. Ивановой, Т.А. Расторгуева говорит о том, что эволюция английского языка в данный период является гипотетической [3]. Формы древнего староанглийского языка конструировались на базе древненемецкого языка и поздних письменных форм староанглийского языка. А также староанглийский (англо-саксонский) период с VIII по XI вв., данный период интересен тем, что именно с него **начинается письменность**. Т.А. Расторгуева называет данный период письменный староанглийский (Written Old English). Особое внимание Расторгуева уделяет тому, что с X по XI вв. проявилась историческая нестабильность языка, то есть дивергенция (расхождение) местных диалектов.

Следует заметить, что существуют и другие классификации истории английского языка. Например, А.И. Смирницкий [5, с. 18] приводит классификацию, состоящую из трех периодов (древнеанглийский, среднеанглийский, новоанглийский). В частности, древнеанглийский период, по Смирницкому, длится до XI века. По утверждению А.И. Смирницкого, «при общем постепенном развитии языка в его истории наблюдаются эпохи более быстрого и более медленного развития. По мнению А.И. Смирницкого, это и является основанием для разделения истории языка на периоды» [5, с. 19]. Эпохи более быстрого развития английского языка с XI по XV вв. обнаруживают большее сходство с предыдущими периодами, в результате чего грань между периодами представляется наиболее правильным провести в последней четверти XI и XV веков. При изучении истории языка (в целях классификации памятников) выделяют конкретные даты, которые ограничивают периоды истории языка.

Началом древнеанглийского периода следует считать V век нашей эры, так как в этом столетии те древнегерманские говоры, из которых сложился английский язык, были принесены в Британию англосаксонскими племенами. Этот факт вылился в проч-

ную связь между говорами одного языка — древнеанглийского. Древнеанглийский период начинается «долитературной эпохой», то есть эпохой, не оставившей текстов на данном языке [5, с. 19].

Вслед за А. И. Смирницким, необходимо подчеркнуть, что древнеанглийский язык образовался из говоров различных германских племен, населявших в IV—V вв. н. э. Ютландию и северо-западные области Германии, прилегающие к Северному морю. Важнейшими из этих племен являлись англ, саксы и юты. Многочисленные говоры англов, саксов, ютов и некоторых других племен, рано утративших свою самостоятельность, сгруппировались в Британии в несколько относительно крупных диалектов, составляющих древнеанглийский язык.

Для древнегерманских языков известны следующие три вида письма, имевшие более или менее значительное распространение: 1) руническое письмо, 2) вульфилианское (или готское) и 3) латинское письмо.

Руническое письмо (в специальном смысле этого слова) было в употреблении только у древних германцев, во всяком случае в II—III вв. нашей эры [5, с. 46]. **Руны**, то есть знаки этого письма (англ. runes, нем. Runen), представляют собой буквы своеобразного начертания. Они издавна употреблялись и в качестве магических знаков (подобно другим письменам у различных народов), причем такое их употребление сопровождалось таинственным шептанием. Первоначально слово руна (г. rupa) относилось именно к тайне магического применения письма, так как древнейшее значение этого слова — тайна, секрет, секретный разговор (шепотом: нвн. rānpen шептать на ухо; ср. также дирск. run тайна) [6]. Но затем это же слово стало обозначать и самые письменные знаки — руны (однако современные англ. rune, нем. Rune руна являются позднейшими заимствованиями из исландского). Так как руны известны у различных германских племен — восточных, северных (скандинавских) и западных, то руническое письмо может быть названо общегерманским. Особенностью рунического письма является то, что буквы вырезались на различных изделиях, преимущественно из букового дерева, твердого, прочного или на камнях. Также на надгробиях. Техника вырезания или высечения состояла из движения резца по прямым линиям, поэтому руны не имеют округлых линий. У рун линии прямые, идущие сверху вниз.

Важнейшими письменными памятниками рунического письма являются **рунический ларец** и **каменный крест**. В. Д. Аракин в своей работе «История английского языка» говорит о том, что рунический ларец был найден английским археологом А. Фрэнком. В работах А. И. Смирницкого этот ларец называется **ларец Фрэнкса** [5, с. 30]. Этот памятник относится к середине VII века. Ларец представляет собой небольшую, сделанную из китового уса шкатулку (длиной в 22,5 см), на которой вырезаны рунами различные тексты, передающие эпизоды из древнегерманских и древнеримских сказаний, а также эпизоды из Библии. Все четыре стороны крышки шкатулки покрыты рунической надписью на древнем нордгумбийском диалекте [7, с. 31].

Каменный крест, найденный рядом с деревней Рутуэл (Ruthwell) на юго-западе Шотландии с небольшим стихотворением религиозного содержания. В. Д. Аракин называет каменный крест **Ратвельским крестом** [7]. Необходимо сказать, что **ларец Фрэнкса** и **Ратвельский крест** — эти памятники написаны рунами.

Вопрос о происхождении рун привлекал к себе внимание ученых уже с XVI века. Проблема рун была

решена в 70-х гг. прошлого столетия датским ученым Людвигом Виммером, который доказал, что руны восходят к южно-европейским письменам Средиземноморья. Эти письмена представлены различными греческими и итальянскими алфавитами (в том числе и латинским), причем греческие письмена являются источником итальянских. Само же греческое письмо развилось из древнесемитического — финикийского — или близкого к нему. Таким образом, руны не были совершенно самостоятельно изобретены древними германцами и, вместе с тем, не произошли непосредственно из семитических письменных знаков. Но установить с несомненностью, какой именно из южно-европейских алфавитов лежит в основе рунического письма, Виммеру не удалось [5].

Вульфилианское (готское) письмо представляет собой алфавит, созданный, по преданию, в конце IV в. вестготским епископом Вульфилой и известный лишь в применении к готскому языку. В основе готского вульфилианского алфавита лежит греческий алфавит IV в., того типа письма, который соответствует латинскому [5, с. 54].

Латинское письмо стало применяться к германским языкам в результате введения христианства в тех странах, где утверждалось господство римской церкви, которая, в противоположность греческой, не допускала богослужения на местных (народных) языках. Таким образом, христианство, шедшее прямо или косвенно из Рима, требовало от служителей культа известного владения латинским языком. При значительных церквях и монастырях устраивались школы, в которых преимущественно и происходило обучение латинской грамоте. При этом первоначально совершенно не имелось в виду применение латинского письма к германским языкам. Но латинский язык был не только языком церкви: он выступал и как официальный письменный язык в законах, грамотах. Составление документов на латинском языке требовало передачи латинскими буквами отдельных древнегерманских слов.

Появилась потребность в составлении **глоссов** к латинским текстам. Глоссы служили для фиксации перевода латинских слов и выражений [5, с. 54].

После распространения христианства латинский алфавит уже регулярно употребляется для целых связанных текстов на соответствующих древнегерманских языках: так, на западногерманских языках известны тексты, исполненные латинским письмом, начиная с VII—IX вв. (за исключением древнефризского, где имеющиеся записи восходят лишь к XIII в.), на скандинавских языках — с XII—XIII вв. Руническая письменность отмирает (очень скоро — в Германии, медленнее — в Англии) или, по меньшей мере, отесняется на второе место (в Скандинавии).

Латинский алфавит, унаследованный средневековой Западной Европой от Римской империи, состоял из следующих 23 букв: a, b, c, d, e, f, g, h, i (j), k, l, m, n, o, p, q, r, s, t, u (v), x, y, z (в древнейшей своей форме он имел лишь 20 знаков: отсутствовали q, y, z).

Необходимо сказать, что древнейшей формой латинского письма было так называемое **капитальное письмо** (scriptura capitalis — капитель). Буквы этого письма по начертаниям в общем совпадают с современными прописными. В III—IV вв. из капитального письма развилось несколько более упрощенное и округлое специально книжное письмо, так называемое **унциальное** (scriptura uncialis — унциал). Развитие этого письма связывается с появлением **пергамента** (особо выделанной кожи; до этого писали на папирусе, на восковых табличках и т. п.). Но еще до

Этапы и виды письменных памятников древнеанглийского периода

Дата появления письменного памятника	Виды письменных памятников	Пример письменного памятника
I—II в.	рунические надписи	ларец Фрэнкса, Рутвельский крест
V—VII в.	сочинения, переводы с латинского языка	Cura Pastoralis — «Обязанности Пастыря», «Английская хроника», события которой охватывают период с древнейших времен до 1154 года. Перевод сочинения испанского монаха V века Орозия «История против язычников» (Historiarum adversus paganos libri septem), перевод трактата римского философа Боэция «Утешение философией» (De Consolatione Philosophiae), «Серебряный кодекс» (Codex argenteus)
VIII в.	рукописи, глоссы	Historia Ecclesiastica gentis Anglorum (Церковная история англов), Песнь Кэдмона, Предсмертная песнь Беды
VIII—IX в.	глоссы	Веспасианова псалтырь (Vespasian Psalter), «Беовульф» (или Песнь о Беовульфе)
IX в.	юридические документы, переводы псалмов	
X в.	появление разговорника, переводы с латинского языка	переводы Этельвольда «Правила ордена бенедикцев» (Blickling Homilies), «Проповеди» (Sermones Catholici), «Жития святых» (Lives of the Saints), «Латинско-древнеанглийский разговорник» (Colloquium Aelfrici)
XI в.	переводы псалмов	«Проповеди Вульфстана» и перевод Евангелий (West-Saxon Gospel)

возникновения унциала появились различные формы **курсивного письма**, или курсива, т. е. повседневного упрощенного и небрежного письма, применявшегося в корреспонденции, деловых документах и вообще везде, где в первую очередь требовалась быстрота и дешевизна записи.

Постепенно унциальное письмо под влиянием курсива подверглось дальнейшим изменениям, и в VI в. из него образовалась новая, упрощенная форма книжного письма — **полуунциал** (semiuncialis). В дальнейшем своем развитии это письмо еще более сблизилось с наиболее четкой разновидностью курсива и превратилось в минускульное письмо, или **минускул** (minusculis), буквы которого в общем близки по своему типу к современным строчным.

Большинство текстов на древнегерманских языках исполнено **минускульным письмом**. Это письмо в различных школах по отдельным странам имело свой особый характер при общем сходстве основного типа. Наиболее важны две разновидности: 1) **островное (или инсулярное) письмо** (insularis) и 2) **континентальное письмо**. Различия между ними особенно значительны в начертаниях букв — f, g, r, s. Островное ирско-англо-саксонское письмо (минускульного типа) развилось из **полуунциала** VII века в Ирландии, куда христианство и латинская письменность проникли уже в IV веке. Благодаря деятельности ирландских миссионеров эта форма получила широкое распространение в Англии и стала характерной для древнеанглийских текстов.

Континентальное минускульное письмо известно в применении к древнегерманским языкам преимущественно в форме так называемого каролингского минускула — четкого и красивого строчного письма, которое было выработано в правление Карла Великого (768—814) лучшими писцами Франкского государства. Это письмо в различных близких друг к другу вариантах получило широкое распространение и продолжало применяться как в книгах, так и в документах до XIII в., а отчасти и позже. Но уже в XII в. начинается постепенно складываться новый стиль письма —

фрактур. Для этого стиля характерны угловатые, ломаные формы букв, поэтому стиль был назван **фрактур**.

С XI века **каролингский минускул** распространяется и в Англии — в результате французского влияния при дворе Эдуарда Исповедника (1042—1066), а затем — норманского завоевания (1066). Позже, как и в других странах, на смену этому круглому плавному письму приходит **фрактур**, которая становится характерной для рукописей XIII—XV веков. Таким образом, островное (ирско-англо-саксонское) письмо и в Англии вытесняется **континентальными формами**.

Представляется правильным мнение Бориса Александровича Ильиша о том, что «письменность древнеанглийского периода разделяется по своему оформлению на две группы: рунические памятники и памятники латинского шрифта» [8, с. 54]. В табл. 1 приведены примеры рунических и латинских письменных памятников. Вышеперечисленные памятники разделены на этапы появления.

В заключение исторического обзора древнеанглийского периода необходимо сказать следующее. Основная масса древнеанглийских памятников написана на латинском языке. Большая часть памятников, написанная рунами, не сохранилась. Руны, записанные на деревянных дощечках, были уничтожены влиянием времени, пожарами. Руны, высеченные на камнях, также немногочисленны. Современному поколению досталось упоминание о тех или иных письменных памятниках древнеанглийского периода. Возможно, в будущем археологи смогут найти письменные памятники, связанные с древнеанглийским периодом, но изучение таких памятников представляется сложным в силу ветхости. Письменность явилась знаковым этапом в формировании книги.

Письменность древних народов послужила предпосылкой к возникновению книгопечатания, распространению книг, письменных памятников. Вначале в основном это были религиозные книги.

Возникновение и распространение книгопечатания в Европе приходится на среднеанглийский период, который будет рассмотрен в новой работе.

Библиографический список

1. Есипова, В. А. История книги : учебник по курсу «История книжного дела» / В. А. Есипова. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. — 628 с. — ISBN 978-5-7511-1972-0.
2. Акопов, А. И. Основы издательского дела : учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Журналистика» / А. И. Акопов / Тольяттинский гос. ун-т. — Тольятти, 2005. — 179 с. — ISBN 5-7266-0040-1.
3. Расторгуева, Т. А. История английского языка / Т. А. Расторгуева. — 2-е изд., стер. — М. : Астрель, 2003. — 348 с. — ISBN: 5-17-003839-9
4. Иванова, И. П. История английского языка. Учебник. Хрестоматия. Словарь / И. П. Иванова, Л. П. Чахоян, Т. М. Беляева. — СПб. : Лань, 1999. — 512 с. — ISBN 5-8114-0045-4.
5. Смирницкий, А. И. Древнеанглийский язык / А. И. Смирницкий. — М. : Изд-во: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. — 319 с. — ISBN 5-89042-047-X.

6. Этимологический словарь английского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=rune&searchmode=none (дата обращения: 07.01.2014).

7. Аракин, В. Д. История английского языка : учеб. пособие В. Д. Аракин. — 2-ое изд. — М. : ФИЗМАТЛИТ, 2003. — 272 с. — ISBN 5-9221-0032-7.

8. Ильиш, Б. А. История английского языка / Б. А. Ильиш. — 5-е изд. испр. и доп. — М. : Высшая школа, 1968. — 390 с.

МАСЕЙКО Кристина Сергеевна, аспирантка, преподаватель кафедры иностранных языков.
Адрес для переписки: fluffy_fox19@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.01.2014 г.

© К. С. Масейко

УДК 821.161.1(092)

П. В. ФИЛИМОНОВА

Омский государственный педагогический университет

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА БАСНИ В ПОЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ М. Н. МУРАВЬЁВА (1757—1807)

В статье рассматриваются художественные особенности жанра басни в лирике М. Н. Муравьёва. В работе раскрыт диалог русского поэта с античной культурной традицией, а также с эстетикой классицизма.

Ключевые слова: классицизм, басня, мораль, дидактический смысл, сатира, ирония, сюжет, животный эпос.

Традиционно басня воспринимается как малый эпический жанр, короткий сатирический нравоучительный рассказ с четко сформулированной моралью. На аллегорическую природу и дидактическую направленность данного жанра указывал Г.-В. Гегель: «Остроумие басен состоит лишь в том, что помимо непосредственного смысла <...> мы должны придать ему теперь еще и более общий смысл» [1, с. 98]. Героями басни чаще всего являются животные, олицетворяющие человеческие качества, унаследованные из традиции первобытного тотемизма и иллюстрирующие генетическую связь жанра с животным эпосом. В том случае, когда героями становятся люди, их образы представлены обобщенно как проявление общечеловеческих пороков.

С точки зрения Я. Гримма, сатира не была изначально свойственна «древнейшему животному эпосу» [2, с. 90]. В. А. Жуковский подчеркивал преимущество басенной морали (истины в действии) как более эффективного средства воздействия на читателя в сравнении с отвлеченной философской истиной: «<...> Истина, представленная в действии <...> принимает в глазах наших образ вещественный, впечатывается в рассудке сильнее <...>» [3, с. 402].

Басни Эзопа заложили основы для композиции, сюжетостроения, арсенала форм комического классической басни. Античная басня — самый демократичный жанр литературы, который посред-

ством аллегорической художественной формы раскрывает социально злободневные проблемы. В жанре басни действует закон постоянства состава, распространяющийся на всех персонажей. Чаще всего басенные персонажи выступают в паре антагонист — протагонист, что сближает данный жанр с комедией. В. А. Архипов отмечает: «Стихия басни — обнажение сущности в ее неизменности» [4, с. 17].

Многие сюжеты литературных басен известны с древних времен и приобрели универсальный характер. У баснописцев разных стран и эпох можно найти сходные по содержанию произведения («Ворон и лисица» Эзопа, «Ворон и лис» Ж. де Лафонтена, «Ворон и лисица» В. К. Тредиаковского, «Ворона и лисица» А. П. Сумарокова, «Ворона и лисица» И. А. Крылова»). Баснописцы последующих эпох, с одной стороны, воспринимали античную басню в качестве канона, с другой стороны, стремились к межкультурному диалогу, к отражению специфики собственного национального сознания.

В жанровой системе классицизма басня мыслилась низким литературным жанром, включающим дидактическую и сатирическую составляющие, нацеленным на изображение социально значимых пороков. Н. Буало в стихотворном трактате «Поэтическое искусство» сформулировал перечень правил для данного жанра. Классицистическое понимание данного жанра нашло отражение в творчестве

А. Д. Кантемира. В. К. Тредиаковский в 1752 г. издал сборник «Несколько эзоповых басенок», в котором чередовал басни, написанные употребляемым многими авторами шестистопным ямбом («Петух и ячменное зерно») и используемым только им семи-стопным хореем («Ворон и лисица»).

Ведущая роль в формировании басенного канона в России принадлежит А. П. Сумарокову. Поэт определил его основные черты — сатирическую природу, обращенность к бытовой сфере, демократизм в выборе языковых средств, форм комического для обличения распространенных общественных пороков. Алогизм метафорических образов, введенных в жанр басни Сумароковым, становится одной из основных форм выражения комического в тексте. Намеренная «сниженность» художественного языка басен Сумарокова проявляется в некоторых случаях уже на уровне названий («Сатир и гнусные люди», 1769; «Чинолюбивая свинья», 1769; «Болван», после 1769).

Вслед за Сумароковым к жанру басни обращаются многие русские писатели и поэты. Так, В. И. Майков, перелагая басни античных авторов, активно вводит в них реалии российской действительности («Лягушки, просящие о царе»; «Наказание ворожее»; «Конь знатной породы», 1763–1767). М. М. Херасков минимизирует сатирическую составляющую басни и заостряет внимание на вопросах морали, разрабатывая, в частности, сюжеты, воплощающие размышления о сущности искусства («Дровосек», 1763). Универсальность содержания своих басен Херасков подчеркивает через использование хронотопа с семантикой неопределенности: «Не знаю, у кого» («Две собаки», 1764); «Некогда» («Источник и ручей», 1764). Дополнительную оценочность и экспрессию басни Майкова и Хераскова получают за счет введения в текст унаследованных из басенной традиции Сумарокова просторечных слов и выражений.

Басни, созданные А. А. Ржевским, отличаются экспериментальным подходом, достигающим максимального развития в басне «Муж и жена» (1761), которая представляет собой фигурное стихотворение, написанное в форме ромба. Д. И. Фонвизин перевел на русский язык басни датского писателя Л. Хольберга, а выполненное им переложение немецкой прозаической басни Х. Ф. Шубарта «Лисица-кознодей» считается одним из лучших образцов стихотворной сатиры.

И. И. Хемницер стремился сделать язык басен более изящным, сохраняя в нем, тем не менее, преимущественно разговорную лексику. В архитектонике басен Хемницера преобладают диалоги, позволяющие ввести индивидуализированные речевые характеристики героев («Писатель»; «Дерево»; «Пожилой гадатель», 1782). Прямое нравоучение может отсутствовать в баснях Хемницера, но имплицитно проявлять себя в развитии сюжета («Счастливое супружество», 1782).

М. Н. Муравьев считал басню литературным жанром, имеющим ярко выраженную просветительскую направленность, поэтому русский поэт активно обращался к нему. Сборник Муравьева «Басни в стихах» был напечатан в 1773 г., т.е. в ранний период его творчества. В своих баснях Муравьев разрабатывает сюжеты, корреспондирующие к античной литературной традиции, критикуя злободневные общественные явления современности. Басни Муравьева осуждают негативные стороны существующего государственного строя в их бытовых проявлениях, что мы видим, например, в басне «Зеркало» (1773,

1780-е гг.), где показан социальный вред фаворитизма:

Лучами милости вельможа осиянный
Мечтает, что пред ним преклонится весь мир;
Но только станет ветер дышать непостоянный —
Лыстецы бегут, один останется кумир [5, с. 73].

Название данной басни раскрывает мольеровское понимание жанров комедии и басни как зеркала для общества, наглядно представляющего его неблагоприятные стороны. Басня Муравьева осмеивает порочную психологию временщиков.

Мораль басни Муравьева «Верхушка и корень» (1773) подчеркивает необходимое единство между народом и государственной властью:

Правительство — Верхушка.
А корень — то народ [5, с. 63].

Данная басня Муравьева, как и большинство его басен, характеризуется стремлением к афористичности. Образность басни восходит к архетипу мирового древа, который воплощает идею гармоничного единства мироздания. Большую часть басни представляет монолог-саморазвенчание. Подобного рода монологи широко представлены в классицистических комедиях и сатирах. Баснописец стремится в монологе отразить лексические и грамматические особенности разговорной речи («вить», «авось-либо») и в то же время насыщает монолог фигурами поэтического синтаксиса (анафорами, синтаксическим параллелизмом и вопрошаниями). Монолог корня полемичен и снижено представляет верхушку как «вертушку». Неправоту позиции корня доказывает не только мораль, но и пуант.

Максимальная конкретизация адресной направленности басен достигается Муравьевым в текстах, посвящаемых посвящениями. Это «Суд Момов. К М. А. Засодимскому» (1772, 1780-е гг.), «Перо. К его превосходительству Александру Петровичу Ермолову» (1773, 1780-е гг.). Последнюю из басен, в целом, отличает использование российских топонимов и введение образов современников поэта: «Там, где Вологда», «Олешев внимал стихам моим», «Чувствительный Ермолов».

В ряде своих басен поэт соединяет античный и современный контексты и, делая отсылку на источник басенной традиции, выстраивает их по принципу «рассказ в рассказе»: «Такую повесть нам оставил Лукиан»; «В недавних временах у Геллерта я чел». Таким образом подчеркивается универсальный характер содержания басни. Универсальный дидактический смысл басен подчеркивается с помощью указания на временную неопределенность. В басне Муравьева «Кучер и лошади» автор заостряет внимание на неопределенности, а значит, и на универсальности хронотопа:

Не ведаю, в каком то было лете
И точно коего то месяца и дня [5, с. 57].

В басне Муравьева «Миротворец» (1773) временная условность вводится с помощью фольклорной формулы «был-жил», а обыденность ситуации подчеркивается наречием «часто». В баснях Муравьева «Стрекоза» (1773) и «Лисица и козел» (1773), ставших переложениями басен Эзопа «Птицелов и аист» и «Лисица и козел», на временную неопределенность указывает лексема «некогда» в значении «когда-то». В басне Муравьева «Суд Момов. К М. А. Засодимскому» также подчеркивается временная неопределенность: «В день какой-то».

Типичность описываемых ситуаций подчеркивается также при помощи различных обобщений. Так происходит, например, в басне Муравьева «Собачка» (1773):

Но там ли спят,

Где много есть робят? [5, с. 62].

Раскрытию вневременного характера изображаемых социальных пороков помогают аллюзии и реминисценции басен русского поэта с предшествующей литературной традицией, усложняющие содержание басен и способствующие созданию одного из ведущих выразительных средств — иронии, построенной на основе параллелизма лирических субъектов низкого жанра и героев высоких жанров античной традиции. В басне «Кошка и лисица» (1773) персонажи сопоставлены с героями гомеровского эпоса, имена которых (Улисс, Аякс) для усиления эффекта иронии искажены:

Подобно как Уликс с Аияксом в споре был,

Подобно Кошка так имела спор с Лисою... [5, с. 59].

Параллелизм образов высоких и низких героев отсылает нас к «Батрахомиомахии» — «Войне мышшей и лягушек», древнегреческой поэме, пародирующей гомеровский эпос.

Обращение к бытовой сфере, к социальным порокам в баснях Муравьева предопределили использование разговорной и просторечной лексики, которая служит стилистическим, экспрессивным средством выражения авторской позиции. Басни Муравьева характеризуются стилистической пестротой. Наряду с разговорной и просторечной лексикой, поэт использует старославянизмы: «Мужайся, не страшись, бреги его ты след». Ирония басен Муравьева создается также с помощью практически одновременного включения в их тексты традиционных сказочных формул, просторечных выражений, характерных для социально-бытовой сказки, а также старославянской лексики для изображения бытовой ситуации. Так происходит, например, в басне Муравьева «Миротворец» (1773), органично соединяющей сниженные в стилевом отношении лексемы «был-жил», «старинушка», «зуб о зуб», «сперлися», «понагрели», и старославянизмы: «И персты, впущены в власы, их зацепили». В данном поэтическом контексте старославянизмы, которые традиционно используются для создания высокого поэтического стиля, приобретают контрастную стилистическую функцию.

Басня Муравьева «Улиссовы спутники» (вторая половина 1770-х гг.) содержит реминисценции с традицией русских народных сказок и творчеством Гомера. Текст открывает отсылка к «Бове» — народной сказке, которая приобрела особую популярность в русской культуре конца XVIII в. Басня представляет собой переложение отрывка Одиссеи о посещении острова Цирцеи через призму восприятия лирического субъекта, от лица которого ведется повествование. Текст басни стилизован под народный рассказ, автор использует сказовую манеру повествования. Комизм в басне Муравьева создается благодаря тому, что античные герои определены через экспрессивные разговорные и просторечные лексемы. В частности, Цирцея определена как «баба зла», «ворожея», «плу-товка», «льстива, как торговка».

Введение в текст автокомментария — еще одна особенность басен Муравьева: «Ты часто, слушая стихи мои с раченьем»; «Я басенкой хочу читателя почтить»; «Не ведаю того»; «Что с Кошкой и лисой, скажу, происходило». Русский поэт стремится к непосредственному диалогу с читателем.

Размышления о смысле искусства заключены в двух последних произведениях, вошедших в сборник басен Муравьева. Басня «Соловей и жаворонок» (вторая половина 1770-х гг.) введена в сборник с подзаголовком «Перевод из Геллерта», указывающим на ее литературный источник. Центральным образом басни является соловей, который в мировой культуре утверждает идеи жертвенного служения искусству и любви [6, с. 55–68]. Образ соловья введен в басню в контексте античной мифопоэтической традиции: «Филомела», «утра мать». Образной антитезой Соловья в басне является Жаворонок, который ставит под сомнение гениальный дар соловья. По мысли автора, основной чертой истинного искусства служит полная творческая свобода.

Мораль басни — как в монологе соловья, так и в авторском заключении:

Так пойте вы, доколь ваш дух приносит плод,

И, тщася произвесть бессмертные сложенья,

Откройте в вечность вход [5, с. 78].

В данной басне мораль выводит сюжет произведения на уровень философского, эстетического обобщения.

Заключительная басня раздела — «Изгнание Аполлона». Ее ценностная проблема — сила воздействия искусства, красоты и гармонии на окружающий мир и человеческую душу:

Искусства исправляют нравы.

Тот первый варваров в людей преобразил,

Который выдумал для разума забавы [5, с. 80].

Таким образом, анализ басен Муравьева позволяет выявить следующие особенности развития данного жанра в его творчестве: установка на межкультурный диалог; наличие черт автокомментария; стилистическая многогранность, нацеленная на создание иронического и пародийного образного контекста; соединение временной неопределенности и бытовой конкретизации. Басни Муравьева сыграли определенную роль в развитии данного жанра в русской классической поэзии.

Библиографический список

1. Гегель, Г. В. Ф. Эстетика. В 4 т. Т. II / Г. В. Ф. Гегель. — М.: Искусство, 1969. — 328 с.
2. Басни русских писателей в сравнительном изучении / Издание И. Глазунова. — СПб.: Тип. Глазунова, 1891. — 100 с.
3. Жуковский, В. А. Собр. соч. В 4 т. Т. IV / В. А. Жуковский. — М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1960. — 754 с.
4. Архипов, В. А. И. А. Крылов. Поэзия народной мудрости / В. А. Архипов. — М.: Московский рабочий, 1974. — 288 с.
5. Муравьев, М. Н. Стихотворения / М. Н. Муравьев. — Л.: Советский писатель, 1967. — 226 с.
6. Косяков, Г. В. Мифопоэтика русской классической поэзии XIX века / Г. В. Косяков. — Омск: ОмГПУ, 2004. — 102 с.

ФИЛИМОНОВА Полина Владимировна, аспирантка кафедры литературы и культурологии.

Адрес для переписки: P_Filimonova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.01.2014 г.

© П. В. Филимонова

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПАРАМЕТРОВ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В УСЛОВИЯХ УЧЕБНОГО БИЛИНГВИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМ ЧЕХИЯ, ЧЕХ, РОССИЯ, РУССКИЙ)

В статье рассматриваются слово и его значение как достояние индивида. На основе проведенных автором психолингвистических экспериментов моделируются значения слов, важных для понимания фрагментов языкового сознания чехов в ситуации учебного овладения русским языком.

Ключевые слова: значение как «живое знание», когнитивная структура, ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, смысловое поле.

В современной лингвистике значительное внимание уделяется проблеме значения слова. При этом принципиально изменен подход к изучению данного феномена: «логико-рационалистическая трактовка значения, ставшая привычной и устойчивой традицией» [1], сменяется психолингвистическим подходом, при котором значение языкового знака рассматривается как достояние индивида. «Значения имеют двойственный характер: они общественны по своей природе, но могут существовать лишь в сознании отдельных индивидов» [2]. Таким образом, можно говорить о двойной жизни значения слова, «обращенного одной своей ипостасью к социуму, а другой — к личности» [3].

Для нас представляет интерес именно то, как значения существуют в индивидуальном сознании. По мнению А. А. Леонтьева, формой их существования является система соотнесения и противопоставления слов в процессе их употребления в деятельности [4]. Это означает, что изучение параметров значения слова требует использования психолингвистических экспериментов с обязательной опорой на психолингвистическую теорию слова.

Одной из наиболее распространенных психолингвистических процедур является свободный ассоциативный эксперимент. На основе его результатов становится возможным выйти на содержание сознания носителя языка [5].

Для исследования эмоционального веса слова, который также является одним из компонентов его значения, применяется метод семантического дифференциала Ч. Осгуда.

Описываемый в данной статье эксперимент проводился в декабре 2012 года. Количество его участников составило 25 информантов — жителей Чешской Республики. Анкетирование проводилось на базе университета им. Палацкого в городе Оломоуц (Чешская Республика). В эксперименте участвовала группа студентов, изучающих русский язык. Возраст участников варьировался от 20 до 24 лет.

Эксперимент состоял из двух частей: семантический дифференциал и свободный ассоциативный эксперимент — и проводился на чешском языке. Студентам были предъявлены тридцать слов-стимулов, обозначающих базовые концепты культуры

повседневности: *семья/rodina, дом/ dum, любовь/láska, Россия/Rusko, Чехия/ Češka republika, русский/rus, чех/ čech* и пр. Всего получено и обработано около 2 500 ассоциативных реакций. Материалом для данной статьи послужили результаты экспериментов со словами-стимулами «Россия/Rusko», «Чехия/ Češka republika», «русский/rus» и «чех/čech».

На основе реакций, полученных в результате САЭ, для каждого слова-стимула было составлено ассоциативное поле. Результатом обработки данных эксперимента, проведенного по методике семантического дифференциала, стали индексы шкалирования, отражающие эмоционально-чувственное значение слов-стимулов (табл. 1).

Анализ параметров эмоционально-чувственного значения слов-стимулов показал, что в целом все слова переживались положительно. И для Чехии, и для России оказался в равной степени выражен параметр «веселый — грустный» (1,3) и параметр «светлый — темный»; параметр «хороший — плохой» немного выше для России (1,4), чем для Чехии (1,2). Также видим, что стимул *Россия* осознается респондентами «более полным» (1,3), чем *Чехия* (1,1). Но в целом эти колебания незначительны, и можем сделать вывод, что в сознании чехов обе страны — и их родная, и страна изучаемого языка — имеют положительный образ, но со средней выраженностью всех признаков.

Сравнивая оценки, полученные для слов-стимулов *русский* и *чех*, мы можем заметить, что испытуемые склонны к невысокой оценке своей нации. Стимул *чех* имеет среднюю нагрузку лишь в отношении параметра «веселый — грустный», все остальные признаки имеют слабую интенсивность (0,6; 0,5; 0,6).

В противоположность этому стимул *русский* достаточно интенсивно нагружен по параметрам «веселый — грустный» (1,8), «хороший — плохой» (1,7), имеет среднюю нагрузку по остальным параметрам (1; 1,2). Явно видно, что образ русского человека переживается чехами более эмоционально, чем образ своего соотечественника. Также можно выявить следующие закономерности:

— чехи склонны оценивать русского человека более положительно, чем ту страну, в которой он жи-

Таблица 1

Средние индексы шкалирования, отражающие эмоционально-чувственное значение слов-стимулов (округлённые до десятых единиц)

Шкалы	Россия/Rusko	Чехия/ Češka republika	русский/rus	чех/ čech
Веселый-грустный (veselý- smutný)	1,3	1,3	1,8	1,4
Хороший-плохой (dobrý-špatný)	1,4	1,2	1,7	0,6
Полный-пустой (plný- prázdný)	1,3	1,1	1	0,5
Светлый-темный (světlý- tmavý)	1	1	1,2	0,6

Таблица 2

Стереотипное ядро АП слова Rusko

№ п/п	Вербальные ассоциаты	Кол-во
1	zima	11
2-3	Moskva	10
2-3	vodka	9
4	Sibiř	6
5	Putin	5
Всего:		41

Таблица 3

Стереотипное ядро АП слова rus

№ п/п	Вербальные ассоциаты	Кол-во
1	vodka	7
2	Rusko	5
3-4	Moskva	3
3-4	alkohol	3
Всего:		18

Таблица 5

Стереотипное ядро АП слова čech

№ п/п	Вербальные ассоциаты	Кол-во
1	pivo	8
2-3	člověk	4
2-3	vlastenec	4
4-8	fotbal	3
4-8	hokej	3
4-8	já	3
4-8	národnost	3
4-8	vlast	3
Всего:		31

Таблица 4

Стереотипное ядро АП слова Češka republika

№ п/п	Вербальные ассоциаты	Кол-во
1-2	domov	9
1-2	Praha	9
3-4	pivo	4
3-4	vlast	4
5-6	srdce Evropy	3
5-6	stát	3
Всего:		32

Таблица 6

Структура смыслового поля слова Rusko

Ядро:	76,2 %
1 Топонимы и географические понятия России	29,7 %
2 Сущность России	20,7 %
3 То, чем Россия знаменита	13,9 %
4 Еда и напитки в России	11,9 %
Приядерная часть:	15,8 %
5 Политика России	7,9 %
6 Язык России	7,9 %
Периферия:	7,9 %
7 Отличительные особенности России	4,9 %
8 Качества России	3 %

Рис. 1. Структура смыслового поля слова Rusko

вет; он «более веселый», «более светлый», «более хороший» в восприятии иностранцев, чем Россия. Это можно объяснить тем, что представление о нашей стране обычно связано с трудностями проживания в ней (холодно, огромные пространства) и относительно невысоким уровнем жизни (небольшие зарплаты, бедность). Тогда как русский человек (особенно в стереотипном его представлении, основанном на сказках, анекдотах, фильмах) является носителем таких качеств, как гостеприимство, оптимизм и веселый нрав;

— свою родную страну чехи оценивают более положительно, чем себя как ее представителей. Сравните: по параметру «хороший-плохой» Чехия оценивается на 1,2, а чех по тому же параметру всего на 0,6. Здесь можно обратить внимание на то, что представителей своей народности каждая нация склонна оценивать более критично, выявляя недостатки и не замечая достоинств. При этом по отношению к своей стране чехи являются патриотами и оценивают ее положительно.

Обработка результатов АЭ с точки зрения частотности позволила выделить для каждого слова-стимула стереотипное ядро, включающее наиболее частотные реакции (табл. 2–5). Чтобы выделить параметры значения и представить их более полно, для каждого из слов-стимулов была выстроена когнитивная модель. В рамках данной статьи мы представим фрагмент работы, связанный со словом «Rusko». Анализ смысловой связи «слово – стимул – ассоциат», включая все единичные реакции, позволяет выделить в структуре АП *Rusko* следующие когнитивные слои:

1. Россия — ГЕОГРАФИЯ (30 реакций)
Moskva (10), Sibiř(6), Petrohrad (3), Bajkal (2), mapa (2), Kostroma, St.Peterburg, step, tajga, voda, Volha, velké řeky.
2. Россия – ЭТО ЕСТЬ ЧТО (21 реакция)
zima (11), velikost (3), prostranství, stát, SSSR, Slované, velmoc, země, život.
3. Россия ЗНАМЕНИТА ЧЕМ (14 реакций)
matrjoška (3), balet, Dostojevskij, Ermitáž, hokej, Kreml, lázně, literatura, Rudénáměstí, sniřihokej, transibiřskámagistrála, velikéstavby.
4. В России ЕДЯТ И ПЬЮТ ЧТО (12 реакций)
vodka (9), alkohol, kanár, pirohy.
5. Россия — ПОЛИТИКА (8 реакций)
Putin (5), komunismus, politika, Rusko-Gruzínskýkonflikt.
6. Россия – ЯЗЫК (8 реакций)
ruskýjazyk (2), ruřština (2), škola (2), azbuka, jazyk.
7. Для России ХАРАКТЕРНО ЧТО (5 реакций)
naděje, písně, pohádka, vlak, vlaky.
8. Россия — КАКАЯ (3 реакции)
dalký, veliký, velký.

Ранжирование когнитивных слоев в соответствии с количественными параметрами послужило основой для моделирования когнитивной структуры смыслового поля «Rusko». На основании учёта количественных данных по каждому когнитивному слою когнитивная структура смыслового поля *Rusko* через призму языкового сознания чехов выглядит следующим образом:

1. Топонимы и географические понятия России (29, 7 %)
2. Сущность России (20,7%)
3. То, чем Россия знаменита (13,9 %)
4. Еда и напитки в России (11,9 %)
5. Политика России (7,9 %)
6. Язык России (7,9 %)

7. Отличительные особенности России (4,9 %)

8. Качества России (3 %)

На следующем этапе анализа нами было проведено моделирование структуры смыслового поля слова *Rusko*. По количественному принципу были выделены ядерные, центральные и периферийные слои. Ядро поля составили слои, включающие не менее 10% от всего объёма поля; приядерную часть поля формируют слои с нижним пределом не менее 5% от всех ассоциатов поля. К периферии ассоциативного поля относятся слои, включающие менее 5% ассоциатов поля (рис. 1). Таким образом, мы можем выделить 8 слоев в структуре данного смыслового поля, из них ведущими являются четыре: 1. Топонимы и географические понятия России; 2. Сущность России; 3. Чем знаменита Россия; 4. Еда и напитки в России. В сумме количественное наполнение этих слоев составляет 76, 2% всех компонентов АП «Rusko» (табл. 6)

Подведем итоги:

— Метод семантического дифференциала позволил выявить разный характер эмоциональной нагрузки стимулов: степень позитивного переживания стимулов *Россия* и *Чехия* оказалась средней и примерно одинаковой по всем признакам; стимул *русский* переживается более интенсивно, чем *чех*. Респонденты воспринимают русского человека с большей эмоциональной нагрузкой, чем страну, в которой он живет. Напротив, образ *Чехии* более насыщен эмоциональными реакциями, чем слово *чех*, имеющее низкую нагрузку по трем из четырех параметров.

— Данные, полученные в результате проведенного САЭ, позволили выстроить для каждого слова-стимула АП. Учитывая частотность реакций, мы выделили стереотипное ядро для каждого из понятий.

— Для слова «Rusko» в это ядро вошли такие реакции, как *zima*, *Moskva*, *vodka*, *Sibiř*, *Putin*, что говорит о том, что в языковом сознании чехов с Россией в первую очередь связаны вечные холода; столица, как символ страны; Сибирь, как загадочный дикий край, а также наш политический лидер. Водка также связана с представлениями о России, как устойчивый культурный стереотип.

— Со словом «rus» связан ряд устойчивых ассоциаций: *vodka*, *Rusko*, *Moskva*, *alkohol*. Таким образом, представление о жителе нашей страны еще более стереотипно: он живет в России, а именно, в Москве, пьет водку и прочие алкогольные напитки.

— Анализ стереотипного ядра для слова «Čeřka republika» позволил выявить следующие ядерные реакции: *domov*, *Praha*, *pivo*, *vlast*, *srdce Evropy*, *stat*. Таким образом, для чехов родная страна мыслится как государство, которое является «сердцем Европы», это родина, это их дом. Также с Чехией тесно связан образ ее столицы — Праги — и ее национальный напиток — пиво.

— Для слова-стимула «čech» в стереотипное ядро вошли следующие реакции: *pivo*, *člověk*, *vlastenec*, *fotbal*, *hokej*, *já*, *národnost*, *vlast*. Это позволяет нам сделать выводы о том, что чех мыслится как представитель своей страны, ее патриот, с этой национальностью большинство испытуемых себя отождествляют (реакция «я»).

— Также нами была сделана попытка представить слово «Rusko» в виде когнитивной модели. На основании анализа данного смыслового поля можно говорить о том, что в языковом сознании чехов, изучающих русский язык, ведущими когнитивными слоями являются те, которые связаны с географическими, историческими и прочими страноведческими знаниями о России.

Библиографический список

1. Залевская, А. А. Слово. Текст. Избранные труды / А. А. Залевская. — М. : Гнозис, 2005. — 542 с.
2. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. — 2-е изд. доп. — СПб.: Питер, 2005. — 480 с.
3. Залевская, А. А. Двойная жизнь значения слова. Теоретическое и экспериментальное исследование / А. А. Залевская. — Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2012. — 278 p.
4. Леонтьев, А. А. Психолингвистическая структура значений / А. А. Леонтьев // Семантическая структура слова. — М. : Наука, 1971. — С. 7—27.

5. Горошко, Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е. И. Горошко. — Харьков—Москва : РА-Каравелла, 2001. — 320 с.

ШАДРИНА Анастасия Алексеевна, аспирантка кафедры русского языка, славянского и классического языкознания.

Адрес для переписки: ermiona@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 03.02.2014 г.

© А. А. Шадрина

Книжная полка

Зорина, Ю. В. Лингвистическая специфика научного дискурса : моногр. / Ю. В. Зорина ; ОмГТУ. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2013. — 102 с. — ISBN 978-5-8149-1678-5.

В монографии рассматриваются особенности научного дискурса как вербально опосредованной коммуникации, как процесса контролируемого взаимодействия субъектов профессиональной деятельности. Речь специалистов, как в устной, так и в письменной форме исследуется с разных сторон: в ее фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом проявлениях, а также с точки зрения традиций научного изложения. Описано жанровое своеобразие научного дискурса. Книга предназначена лингвистам: преподавателям, аспирантам, студентам.

Кравченко, А. П. Немецкий язык для бакалавров : учеб. для вузов (бакалавриат) / А. П. Кравченко. — Ростов н/Д. : Феникс, 2013. — 413 с. — ISBN 978-5-222-20808-3.

Настоящее учебное пособие предназначено для студентов неязыковых вузов, осуществляющих подготовку специалистов со степенью бакалавра, а также лиц, владеющих основами немецкого языка и нуждающихся в усовершенствовании языковых знаний и развитии речевых навыков. В приложениях к пособию содержатся дополнительные материалы познавательно-творческого характера. Учебное пособие снабжено грамматическим справочником и немецко-русским словарем.

Галкина, А. А. Английский язык для бакалавров электротехнических специальностей : учеб. пособие по дисциплине «Иностранный язык» (англ.) для студентов специальности 140205 «Электроэнергетические системы и сети» / А. А. Галкина. — Ростов н/Д. : Феникс, 2013. — 235 с. — ISBN 978-5-222-20230-2.

Данное учебно-методическое пособие предназначено для студентов неязыковых вузов электротехнических специальностей со стандартным (342 часа) объемом преподавания дисциплины «Иностранный язык». Цель пособия — развитие у обучаемых умений и навыков читать литературу по специальности, извлекать из нее необходимую информацию, делать сообщения с использованием специальной терминологии. Текстовый материал подобран из оригинальных английских источников. Пособие состоит из 7 частей. Каждая часть, за исключением седьмой части, включает в себя несколько разделов, в каждом из которых текст и блоки упражнений на формирование лексических и грамматических навыков, навыков чтения, говорения и письма. Пособие также содержит краткий грамматический раздел по грамматическим темам пособия с упражнениями и ряд упражнений (в седьмой части пособия), требующих математического решения.